

В.Д. ЧЕРНЫЙ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В МИНИАТЮРАХ
ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА XVI ВЕКА
(ГЕОГРАФИЯ, ТОПОГРАФИЯ, АРХИТЕКТУРА)

Для летописей, к которым в период средневековья относились как к «политическим документам», проблема исторической достоверности имела особый смысл. В лицевых летописях в силу их своеобразия — сочетания письменного и «живописного повествования» — историческая среда и сами события обретают конкретные очертания. Причем в обозначении исторической среды миниатюра обладает большими возможностями, чем текст. Если в тексте, как правило, только называется место, где происходят события, то в миниатюре должно быть изображено, как оно выглядело.

Среди миниатюр исторического содержания самое заметное место занимают рисунки Лицевого летописного свода, созданного, вероятно, в 70-е гг. XVI в.¹. Названный одним из его многочисленных исследователей, В. Н. Щепкиным, «колоссальной исторической энциклопедией»², Свод насчитывает десять томов, содержащих около шестнадцати тысяч миниатюр.

А.В. Арциховский, первым рассмотревший миниатюры Лицевого летописного свода как исторический источник, обратил внимание на привязку изображенных в них событий к той или иной конкретной местности. Исследователь отметил, что миниатюры в одних случаях «являются своего рода картами», в других обнаруживают знание новгородской топографии или содержат «наметки» плана Москвы. В то же время, по убеждению автора, «искать в миниатюрах реальные виды древнего Новгорода или древней Москвы нельзя»³. Изображение в миниатюрах архитектурных сооружений почти сплошь каменными дает ему повод для сомнения в реалистичности «палатного письма». Однако А.В. Арциховский не принял во внимание изобразительных особенностей миниатюр XVI в. Отсюда и некоторая противоречивость в его суждениях о знакомстве художников с планами Новгорода и Москвы, с одной стороны, и о фантастичности изображений подавляющего большинства архитектурных построек — с другой. Изучению изобразительных особенностей миниатюр Лицевого летописного свода XVI в. и других исторических рукописей посвящена монография О.И. Подобедовой⁴, в которой рассматриваются приемы построения художественного образа средневековыми миниатюристами.

Между тем важно отметить, что для обозначения места действия в миниатюре XVI в. использовался и ряд специальных «чертежных» приемов, которые применяли художники-универсалы, одновременно являвшиеся и чертежниками и живописцами.

Если русские средневековые географический и топографический «чертежи» по древнерусским миниатюрам фактически не изучались,

то зарождение строительного чертежа на этом материале рассматривали в своих работах Н.Н. Воронин и Б.В. Раушенбах. «Как правило, — писал Н.Н. Воронин о миниатюрах XVI в., — план, фасад и разрез существуют обособленно, не объединяясь в синтетическое изображение, к которому приходит чертеж XVII в.»⁵. Б.В. Раушенбах в русских средневековых изображениях выделяет такие чертежные приемы — проекции, повороты плоскостей и развертки, — преследующие, по его мнению, задачи наиболее полного показа изображаемого сооружения⁶.

Повествовательные приемы книжных художников, направленные на обозначение «времени рассказа» в «пространстве изображения», были выделены Д.С. Лихачевым. Сравнивая порядок расположения отдельных сцен в русской и западноевропейской миниатюре XVI в., автор приходит к выводу, что низ листа имеет значение главного места действия, верх — заднего плана. Кроме направления действия снизу вверх, которое Д.С. Лихачев считает главным, он выделяет более слабое движение повествования — горизонтальное. «...Приезд, поход врагов, возвращение войска, — по мнению исследователя, — совершается, как и в Радзивилловской летописи, слева направо. Выступление в поход русских воинов, отправление послов, отъезд — справа налево». Лещадным горкам отводится роль «обозначать, что действие происходит вне города». Для обозначения сцен в городе служит палатное письмо, хотя «миниатюрист не ставит себе целью изобразить реальную архитектуру или даже просто возможную»⁷.

История изучения древнерусских миниатюр как исторического источника приводит к выводу, что ключ к раскрытию тайн средневековых изображений следует искать в изобразительных принципах миниатюристов, основанных как на традиционных «художественных» приемах, так и на «документальных». Задача данной статьи состоит в рассмотрении основных особенностей обозначения места действия в миниатюрах Свода. Для анализа привлекаются миниатюры из пяти томов Лицевого свода, охватывающие хронологический период с 1113 по 1533 г.⁸.

Прежде всего необходимо установить закономерности «переведения» текста в изображение. Анализ миниатюр, иллюстрирующих сразу несколько связанных между собой сюжетов, позволяет отметить, что миниатюрист как бы начинает читать надпись к будущей миниатюре с конца. Тем самым в изображении сохраняется последовательность изложения текста. Именно последний, итоговый эпизод и занимает нижнюю, главную часть миниатюры. В обратном порядке разворачивается и само живописное «действие»: на итоговую картину накладывается очередной слой с обозначением события, непосредственно предшествующего финалу, и так далее. В конечном счете эпизод, названный в тексте первым, оказывается в самой верхней части миниатюры.

Летописный текст, дающий географическое описание, маршруты путешествий и военных походов, названия городов, рек, озер, морей и прочее, ставит перед миниатюристом задачу их конкретного обозначения. Возникает необходимость поместить историческое событие в географическое пространство, обусловленное текстом.

1. Появление звезды на Западе.
 Миниатюра Голицынского тома, л. 1034. ГПБ

На ориентировку географического пространства в миниатюрах указывают те изображения, где обозначаются названные в подписях части света. Как правило, правая сторона листа обозначает запад, левая — восток (Л. 365; О—I. 200 об.; О—II. 713; Г. 1034— ил. 1). Отсюда, юг занимает верх листа, а север — низ. Именно так ориентировано большинство древнерусских карт XVI—XVII вв.⁹

С учетом выявленной в миниатюрах географической ориентировки можно определить принцип развертывания в них исторического действия. Так, выступления русских против немцев и литовцев направлены

2. Устья Оки и Волги.

Миниатюра Лаптевского тома, л. 890. ГПБ

в правую сторону листа, то есть на запад (О— П. 694 об., 713 об., 715; Л. 360 об., 649 об.; Ш. 627 и др.). Верх изображения занимают Черное (О— I. 143) и Каспийское (Л. 890 — ил. 2) моря. В нижней части — Мурманское море (Г. 631 об.). Таким образом, регион, в котором развиваются действия миниатюры, охватывает территорию русских земель. Тем не менее основное направление движения, отмеченное в миниатюре, проходит по горизонтали. Этому способствует принятая в то время особенность построения сложной композиции в миниатюре, ког-

да каждому эпизоду отводится свой смысловой слой. Эти слои зачастую бывают совершенно не связанными друг с другом.

При довольно четкой фиксации сторон света в односюжетных изображениях на первый взгляд вызывают удивление отдельные изображения татар с правой стороны в верхнем углу листа. В данном случае такая композиция может быть объяснена традиционным художественным приемом, взятым из канонической живописи. Обычно это место в иконах занимает бог. Поэтому и в миниатюрах учитывается феодальная «табель о рангах»: лицо, занимающее более высокое «место», изображается в правом верхнем углу, а зависимые от него лица — в нижнем левом. Поскольку упоминания татар в тексте связаны чаще всего с посещениями «восточного царя», постольку они занимают свое место наверху справа (О — I. 161 об., 365 об.; О — II. 729 об., 734 об. и др.). Действием этой же закономерности можно объяснить занятие Витовтом почетного места, когда новгородцы просят у него князя себе «на стол» (О — II. 726).

Изображения отдельных географических регионов своими подробностями превышают информацию сопровождающего их летописного текста. Например, народность чудь помещается миниатюристом у берега Чудского озера (Л. 360 об.). «Коломенские места» помимо упомянутой в тексте Оки обогащены изображением реки, впадающей в Оку с севера, то есть Москвы-реки (Ш. 835). Названные в тексте Новгород и Руса нарисованы миниатюристом по обе стороны Ильмень-озера (Г. 865). Причем все приведенные примеры, как и многие другие миниатюры, четко ориентированы, подобно средневековым картам, на юг. Наряду с элементами картографии в миниатюрах можно отметить копирование географических чертежей целых регионов. Один из таких «чертежей» (О — II. 575 — ил. 3) сопровождает географическое описание Пермской земли, помещенное в летописи под 1396 г.: «А се имена живущим около Перми землям и странам и местом иноязычным...» Чертеж охватывает лишь четвертую часть описанной в сопроводительном тексте территории. Из названных здесь шести рек (Вымь, Вычегда, Двина, Вятка, Кама и Волга) в границы миниатюры входят только три. Изображенная внизу река в два раза шире других. Несомненно, это Волга. В нее, согласно описанию, впадает «обходящи всю землю Пермскую» Кама. Центр епископии, то есть собственно Пермская земля, отмечен церковью, там же показан и епископ Стефан. С другой стороны Пермскую землю обходит Вятка, впадающая в Каму. Она тоже есть на «чертеже». Остальные реки, текущие в Сиверскую страну, на изображении отсутствуют. Зато в миниатюре обозначены еще три неупомянутые реки, являющиеся левыми притоками Камы. Можно предположить, что речь идет о Вишере, Белой и Чусовой. Тем более их месторасположение на чертеже соответствует действительности. Ни одна из изображенных рек не показана с истоков до устья, все обозначены начиная со среднего течения. Между тем Пермская земля располагалась в верховьях Камы и на реке Вычегде с притоками. Чем же объяснить привлечение данного чертежа к имеющемуся описанию? В тексте не оговорены четкие границы Пермской земли, а названные в конце географического описания реки Вятка, Кама, Волга логически завершают на-

рисованную летописцем картину и составляют основу географического чертежа. Вятско-Камский бассейн в миниатюрах Лицевого свода встречается неоднократно (Л. 926 об.; О — П. 368 об., 757) и, как отмечал А.В. Арциховский, фиксируется с большой точностью¹⁰. Вероятно, художник имел в пользовании современную карту данного региона и копировал ее¹¹.

Четкие представления миниатюристов о географическом пространстве свидетельствуют как об их широких познаниях, так и об использовании имеющихся в наличии картографических материалов. Все это дает представление о степени развития русской картографии во второй половине XVI в.

Следует отметить, что если расстояние между городами и более обширная территория обозначаются миниатюристом в соответствии с принятыми в то время принципами построения географических «чертежей», то изображение города с окрестностями или без таковых строится по «топографическому» принципу. В таких рисунках не приходится искать страны света. Осью их ориентировки, как правило, является река, которая и членит миниатюру по вертикали (О — П. 225 об.), горизонтали или диагонали (Ш. 328). Излюбленным приемом топографического изображения Москвы и Новгорода (из других городов элементы плана прослеживаются, пожалуй, только при обозначении Твери: О — П. 602 об., 649 об.) являлся показ городов со стороны высокого берега: со стороны Кремля — в Москве (Ш. 324, 325 об., 710 об.), с Торговой стороны — в Новгороде (О — П. 381 об., 410 об.; Г. 466). Должно быть, планы в средневековой Руси составлялись художниками с высоты, господствующей над местностью. Своеобразным центром таких композиций становятся река, городские укрепления и соборный храм, относительно которых и размещаются различные объекты. Например, Большой посад в Москве располагается к востоку от Кремля (Ш. 60 — ил. 4). Верно показано место Неревского конца в Новгороде (О — П. 717 об.). Примечательно, что град обычно имеет больший масштаб, нежели посады. При этом соборный храм сохраняет свои архитектурные особенности. Храмы и даже монастыри за пределами города могут быть обозначены просто условным значком (в виде церковки простейшей формы). Таков один из «планов» Новгорода (Ш. 209 — ил. 5), где четко обозначено Ильмень-озеро, вытекающий из него Волхов, кремль с пятиглавым Софийским собором и две церковки, стоящие на местах Юрьева и Аркажского монастырей. Пропорция плана нарушена: кремль занимает большее место, чем он должен был занимать согласно масштабу. Такие топографические особенности сохраняются и на известных планах Москвы начала XVII в. (Петровом, Сигизмундовом и др.).

Пожалуй, важнейшим показателем места происходящих событий является «палатное письмо». Оно присутствует на каждой миниатюре, будь то изображение значительного географического региона или города с его окрестностями. Конечно, в зависимости от масштаба изображения архитектура играет разную роль. Крепостные сооружения с главками соборного храма фиксируют общее местоположение города (у слияния рек, у озера или моря и т. д.). Наиболее характерные по-

3. «Чертеж» Вятско-Камского района.
Миниатюра II Остермановского тома, л. 575. БАН

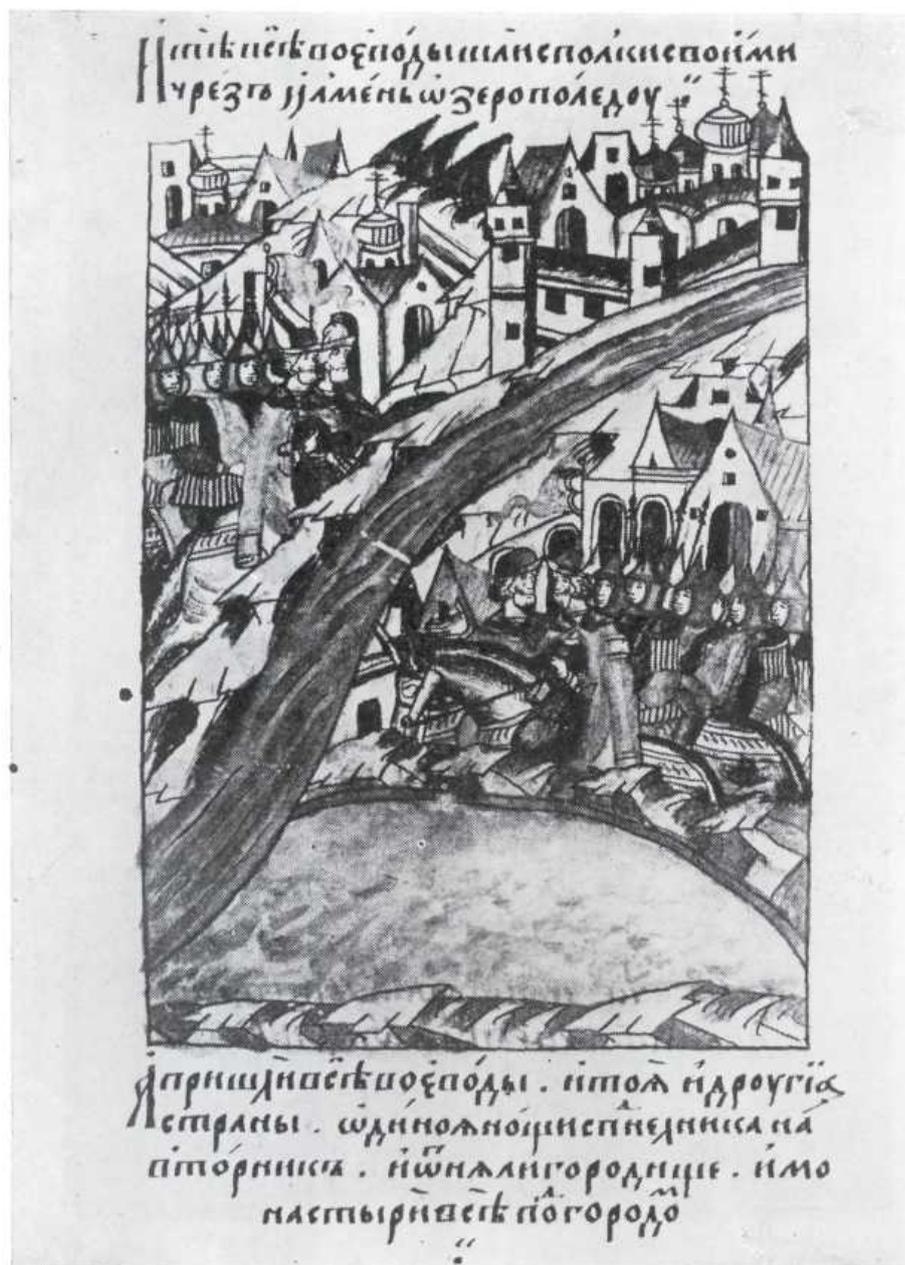
стройки обозначают конкретное место в городе, где происходит действие. Такими сооружениями обычно бывают церкви. Изображение городских стен преследует цель обозначить не конкретный город, а обобщенный образ города. Это может быть проиллюстрировано на примере башен московских укреплений (О — I. 194 об., 479; О — II. 668; Ш. 409). Они буквально повторяют башни Владимира (Ш. 469, 533 об.; Л. 838), Твери (О — I. 477; О — II. 790 об.), Смоленска (О — I. 382), Коломны (О — II. 18) и других городов. Исключение иногда состав-

4. Пожар в Московском посаде.
 Миниатюра Шумиловского тома, л 60. ГПБ

ляют изображения Московского Кремля в период его постройки в 1490-х гг. (Ш. 444 об. — ил. 6; Ш. 456, 473 и др.).

Особое место в миниатюрах Лицевого свода занимают культовые постройки. При упоминании города, даже когда о храме в тексте не говорится ни слова, наряду с крепостной стеной изображается храм, ставший символом города, о котором идет речь в тексте. Для Москвы это Успенский собор, для Новгорода — Софийский, для Твери — Спасский и т. д. Архитектурные сооружения на бумаге сохраняют далеко не

5. Новгород с предместьями.
Миниатюра Шумиловского тома, л. 209. ГПБ

все свои особенности, выделяются лишь главные, с точки зрения художника: соответствующее количество глав, четырехчастное членение фасадов для московского Успенского собора (О — II. 688 об.; Ш. 311), «раковины» для Архангельского собора (О — I. 205; О — II. 337 об.), Мартирьевская паперть Софии новгородской (Л. 217; О — I. 393 об.; О — II. 771) и т. д. Наибольшую точность рисунки построек имеют тогда, когда речь идет об их закладке, освящении либо перестройке¹².

6. Строительство Московского Кремля 1490-х гг.
 Миниатюра Шумиловского тома, л. 444 об. ГПБ

Таким образом, изображения исторической среды в миниатюрах Лицевого свода отличаются своей неоднозначностью и должны рассматриваться в зависимости от сложившихся изобразительных структур, которые условно можно назвать «географическими», «топографическими» и собственно архитектурными (посвященными отдельным сооружениям). При рассмотрении любого типа изображения необходимо учитывать, что миниатюра XVI в. представляла собой синтез традиционных — художественных и специальных «чертежных» — приемов.

¹ См.: Амосов А.А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978, с. 6—36.

² Щепкин В.Н. Лицевой сборник императорского Российского исторического музея. — ИОРЯС. Т. 4. Спб., 1899, с. 1351—1352. Библиографию работ по изучению Лицевого свода XVI в. см.: Подо б е д о в а О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 102—106; К л о с е Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 206—265.

³ Ар ц и х о в с к и й А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. Еще в конце прошлого столетия исследователи заметили разницу в изображениях внешне схожих каменных и деревянных построек (см.: Гусев П.Л. Новгород XVI века по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». Спб., 1900).

⁴ П о д о б е д о в а О.И. Миниатюры русских исторических рукописей.

⁵ В о р о н и н Н.Н. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. Л., 1934, с. 58—62.

⁶ См.: Раушенбах Б.В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975, с. 81—107.

⁷ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 36—54. Автор считает, что «повествовательное пространство» доминирует в миниатюрах над географическим, поэтому миниатюрист и его зритель «читают» миниатюры без учета сторон света, в том же направлении, в каком читается текст.

⁸ В работе используются следующие сокращения названий томов Лицевого свода: Лаптевский (ОР ГПБ, Ф. IV, 233) — Л.; Остермановский первый (ОР БАН, 31.7.30) — О— I; Остермановский второй (ОР БАН, 31.7.30) — О—И; Голицынский (ОР ГПБ, Ф. IV, 225) — Г.; Шумиловский (ОР ГПБ, Ф. IV, 232) — Ш.

⁹ См.: Р ы б а к о в Б.А. Русские карты Московии. М., 1974, с. 19.

¹⁰ См.: Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник, с. 106—108.

¹¹ Черный В.Д. Карта в миниатюре. — Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1984, № 1 (9).

¹² См.: Черный В.Д. Архитектурные сооружения Московского Кремля в Лицевом летописном своде XVI в. — В кн.: Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1980, с. 19—28.